

Олег Усенко, кандидат исторических наук

СУМАСБРОДНЕЙШИЙ СОБОР

«Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор» – полуофициальный орган для увеселения государя в часы его досуга, во время праздников и торжеств был создан молодым царём Петром в начале 1690-х годов. Сначала он взбудоражил умы современников, а потом – историков, интерес которых к царским забавам не угасает до сих пор. И вот что любопытно – фактическая база для суждений о «соборе» остаётся в основном такой же, что и сто лет назад. А документы о повседневной жизни «соборян» тем временем мирно пылятся в архивах...

[иллюстрация:

Сергей Кириллов. Глоток заморского вина. Портрет из серии «Русские люди». 1994 г.]

Всешутейшая иерархия

До сих пор по традиции описывается внешняя сторона «собора» – та, что была видна уличным зевакам во время Святков и Масленицы, а царским гостям – на званых обедах, аудиенциях, ассамблеях и маскарадах. Мемуары современников Петра I не оставляют сомнений в том, что главной целью публичных акций «соборян» был эпатаж столичных жителей (причём иноземцев и русских в равной мере). Царь и его соратники пародировали обряды христианской церкви (и православной, и католической), а также государственные символы России и Западной Европы.

Во главе весёлой компании пребывали «князь-папа», он же «патриарх», и «князь-кесарь». Сам же его венценосный юморист формально пребывал на задворках, числясь «протодиаконом Петром Михайловым». «Князем-кесарем» изначально был поставлен могущественный царедворец князь Фёдор Юрьевич Ромодановский. Пётр звал его также «королём» и «пресветлым царским величеством», себя именовал «холопом и последним рабом» князя, в конце своих писем к нему подписывался Pieter или «Петрушка Алексеев», а в потешных церемониях целовал ему руку. После смерти шутовского монарха в сентябре 1717 года титул «кесаря» перешёл к его сыну Ивану Фёдоровичу.

Если «князей-цесарей» Пётр I назначал единолично, то шутовских «патриархов» избирали всем «собором». Первым «князем-папой», или «патриархом Московским, Кокуйским и всея Языы», был окольный Матвей Филимонович Нарышкин, двоюродный дед царя.

[с. 61]

иллюстрация:

А. Н. Бенуа. В Немецкой слободе

[с. 62]

Довольно скоро его сменил Никита Моисеевич Зотов – некогда учитель юного Петра, а впоследствии глава его ближней походной канцелярии. После смерти Зотова «папский» трон в декабре 1717 года занял Пётр Иванович Бутурлин, который до того 11 лет играл роль «всешутейшего и всепьянейшего митрополита Санкт-Петербургского, Ижорского,

Кроншлотского, Ингерманландского». К Бутурлину перешёл не только потешный пост Зотова, но и его вдова, с которой новый «князь-папа», тоже овдовев, обвенчался по настоянию государя в 1721 году.

Но внутренняя жизнь потешного «собора» по большей части была скрыта от посторонних глаз. Если мы обратимся к чудом сохранившимся письмам и бумагам «соборян», то увидим, что в среде «сумасброднейших» соратников Петра бытовал своеобразный жаргон. Так, пьянство именовалось «Ивашкой Хмельницким» или просто «Ивашкой», а распутство – «Ерёмкой». Широко использовался и русский мат – как в переписке и живом общении, так и во время «соборных» заседаний. Тут у читателей заранее просим прощения, но без нецензурных ныне выражений картина петровского веселья была бы далеко не полной, да и "ак«демии» никто из его участников, к сожалению, не кончал. В благочестии царь и его команда замечены не были: вместо «монахиня» они предпочитали говорить и писать «монахуйня», а вместо «анафемствовать» (проклинать) – «ебиматствовать». У всех «соборян» независимо от того, какого они были происхождения и какие посты занимали в реальной жизни, имелись потешные прозвища и звания, основанные почти всегда на матерной лексике или на не слишком пристойных ассоциациях.

У самого Петра I была кличка Пахом-пихайхуй. Зотов полностью титуловался так: «Всешутейший и всесвятейший патриарх кир-ети Никита Пресбургский (Плешбургский)¹, Заяузский, от великих Мытищ и до мудищ». Прозвищем же «смиранный Аникит» в латинской транскрипции Зотов подписывал

[с. 63]

свои письма в качестве «князя-папы». Бутурлин имел прозвище Корчага, а с 1718 года звался также «князь-папа Ибасса». Кроме того, и в бытность «митрополитом», и став «папой», он прилагал к себе такие имена-клички, как Петрохуй и Петропизд².

Речевую среду внутри «сумасброднейшего собора» ярко характеризует обнаруженный нами в архиве один из немногих уцелевших списков его членов. Скорее всего, он составлен до 1706 года:

«Архикнязь-папа. При нём служители: протокопайхуй Михайлов, духовник Иринархуй, архидиакон Идинахуй Строев, протодиякон Пахом Пихайхуй Михайлов, дьякон Иоиль Попирайхуй Бутурлин.

Ключари: Починихуй Опраксин, Брихуй Хилков, Ионийхуй Субота, ризничий Изымайхуй Мусин-Пушкин, уставщик Неоманхуй Репнин, поп Феофанхуй Шушерин.

Дьяконы: Посаднилхуй Головин, Ловихуй Воейков, Ройхуй Ронов, Дуйнахуй Шемякин.

Иподьяконы: Филарет Яритцанахуй Прозоровской.

Посошники: Медведьхуйвыташи.

Благочинной: Анаспихуй Юшков.

Грозные: Сомнихуй Тургенев, кречетник Изымайхуй Колтовской.

Лампадники: Хуй Полибин, Иванахуй Губин, Розманихуй Васильев, Возмихуй Тимашев, камисар Суйхуй Ключарев, Имайхуй Лихарев, новгородский подьячий Пасихуй Козырев, сибирский комендант Григорей Калетин, Розломихуй Траханиотов.

Дьяки: Иван Лосев, Осип Метлин»³.

Перечень «соборян» здесь явно не полон. Конечно, многих из них опознать под лихими кличками непросто, но в списке точно отсутствуют некоторые из членов «собора», чьи лица известны нам по портретам так называемой Преображенской серии – Алексей Васильков, Фёдор Веригин, Иван Щепотов и другие. В список не попали и такие известные участники царских забав, как Франц Лефорт, Патрик Гордон, Александр Меншиков, Борис Голицын. Не упомянуты известные по другим источникам «дворцовый поп Битка», «духовник Кузьма», «архидьякон Гедеон», «дьякон Александр», «киевский дьякон Гедеон» и «санкт-петербургский дьякон Василий».

Список не полностью отражает и структуру «всепьянейшего» учреждения, что позволяет предположить, что «собор» имел узкий и широкий состав. В нём не упомянуты «архиереи» (они же «архиереи», «епископы», «кардиналы»). В начале XVIII века их было 12 человек, из которых как минимум двое имели потешную степень «митрополита» – «Петербургского» и «Казанского» (кто был последним, неизвестно).

За скобками остались «архимандриты» и «монахи великой обители», а также «суфраны» – видимо, лица, которые ходили с паникадилами, но дымили не ладаном, а серой (от французского *souffrer* – окуривать, пропитывать серой).

В списке не отражён и тот факт, что членами «собора» были женщины. Иерархия среди них была следующей: «князь-игуменья» (до конца декабря 1717 года ею была Дарья Гавриловна Ржевская, а потом Анастасия Петровна Голицына), «архиигуменьи» (в их разряд и перешла Ржевская, оставив прежний пост), «игуменьи», «диаконы» и «монахини». Помимо этого к участию в потешных церемониях (главным образом публичных) время от времени привлекались жёны «служителей Бахуса».

[иллюстрации:

Неизвестный художник конца XVII в. Портрет Якова Фёдоровича Тургенева, участника всепьянейшего собора

Неизвестный художник конца XVII в. Портрет Ивана Щепотьева, участника всепьянейшего собора]

У «соборян» была постоянная обслуга (прежде всего из домочадцев «князя-папы»), а также целый штат профессиональных смехачей – «грозных заик 12 человек, папиных подьяков плешивых 12 человек, весны 24 человека»⁴ (последние подражали голосам птиц). К увеселениям активно привлекали также певчих, музыкантов (с бубнами и другими скоморошьими инструментами), шутов, «дураков» и лиц, изображавших Бахуса.

Некоторые из штатных смехачей пользовались почётом. К примеру, шут Выменка и «дурак» Тимоха удостоились личных портретов наряду с такими высокопоставленными «соборянами», как «папа» Нарышкин, «цесарь» Ромодановский, «ключарь» Апраксин (он же «Андрей Бесящей») и «грозный» Яков Тургенев, бывший, впрочем, одно время шутом при дворе.

Судя по всему, неполноправные «соборяне» – носители народной смеховой культуры – оказывали влияние на полноправных членов «шумнейшей обители». Именно этим, скорее всего, объясняется тот факт, что среди бумаг Бутурлина сохранилась такая вот скоморошина: «Ехал я на свинье в седле, ажно мать не друг: с обеих концов рогатина остра, среди рогатины – пузырь с комара. Тот меня бил и грабил, отнял у меня коня-хомяка: во рте – хвост, в гузне – язык; отнял у меня кафтан: в кафтане – чемодан, в чемодане – мух мех, а в мух мех – три кринки масла и молока»⁵.

[с. 64]

Как выбирали папу

Составить представление о внутренней жизни «собора» лучше всего помогают написанные самим Петром «чин избирания» (сценарий выборов «князя-папы») и «чин в князь-папы постановления [и] в епископы».

Если царские замыслы были полностью соблюдены, то выборы третьего «князь-папы» происходили так. Днём 28 декабря 1717 года полноправные и неполноправные члены «всешутейшего собора» собрались в Пресбурге на «старом дворе» Никиты Зотова в деревянном доме. Когда «архиереи» расселись, они затянули «песнь Бахусову». Затем «на высокое место» взошёл «князь-цесарь» Иван Ромодановский и выступил с речью, «увещевая, дабы [присутствующие] прилежно просили Бахуса» помочь им избрать нового «патриарха».

После этого все торжественной процессией перешли в каменный дом Зотова, расположенный на другом дворе. Порядок шествия был следующий: «весна», певчие, «подстенная братия» (кто-то из неравноправных членов «собора»), «диаконы», «попы», «знатные монахи» (все эти чины шли колоннами по три человека), «архимандриты», «суфраны», «дом князь-папин» – видимо, бывшие слуги Зотова (эти чины шли уже колоннами по два человека), «монахи великой обители» (рядовые члены «собора» из числа полноправных), которые несли картину или статую Бахуса, за ними – «плешивые», которые несли огромный ковш, и, наконец, друг за другом по одному – «архижрецы».

На новом месте «соборяне» разошлись по разным помещениям: в одной комнате («конклавии») обосновывались «архиереи», в другой – прочие полноправные «соборяне», в третьей – «дом князь-папин». Все эти комнаты были специально приготовлены: окна до половины снизу были забиты войлоком, а каждого гостя ждало «логовище» – отдельное место, обитое «аксамитами» (бархатом), над которым висела фляга или другой сосуд с хмельным питьём. Основная часть прислуги и артисты («народ») разместились в «зале».

«Князь-кесарь» лично препроводил «архиереев» в отведённое для них помещение и, поклонясь им, просил «о прилежных трудах Бахусовых» и о выдвижении из их среды трёх кандидатов на должность «подражателя Бахусу». Затем он запер дверь в «конклавию» на замок, запечатал её и ушёл домой.

Началась попойка. Её участники, хотя и были разделены, роднились тем, что усердно искали истину в вине, прося «отца Бахуса, дабы явил избранного подражателя себе». К утру «архижрецам» удалось-таки выявить достойнейших.

[иллюстрации:

Неизвестный художник конца XVII века. Портрет Андрея Бесяшего – Андрея Матвеевича Апраксина, участника всепьянейшего собора

Неизвестный художник XVIII века. Портрет солдата Бухвостова]

Утром 29 декабря на место попойки приехала «князь-игуменья» Ржевская в сопровождении «архиигуменьи» и «диаконис». Женщины прошли в отведённую для них «камору» и стали готовиться к потешной церемонии. Приехал и Ромодановский. Отворив «конклавию», он отправился в большую комнату, где стоял его трон и были приготовлены места для всех «соборян». Когда «князь-кесарь» сел на трон, в это помещение потянулись «по чину» (по категориям и по старшинству) другие участники заседания. Все они, входя, кланялись «кесарю» и садились на специально отведённые для каждого разряда «соборян» места. Когда перемещение закончилось, были объявлены имена кандидатов, после чего к «монахиням» был отправлен «ключарь» с повелением «князя-кесаря» и всего «собора» принести «муде для выбирания». Это были так называемые «баллы» (от английского ball – шар, мяч), которые добывались из мошонок самцов каких-то крупных животных. «Баллы» были двух видов: обшитые чёрной тканью и «натуральные», а значит, светлые.

Вслед за вернувшимся «ключарём» в зал заседания «с музыкою» вошла «князь-игуменья» и, поклонясь «кесарю», села напротив него. Шедшие следом «диаконисы» поставили перед нею на стол ящик с «баллами». После этого кандидаты в «папы» отправились на испытание – «в особой каморе» они, сняв штаны, расселись на стульях с отверстиями в сиденьях, и сквозь отверстия кандидатов проверяли на принадлежность к мужскому полу. Это была пародия обряда, который, по тогдашним слухам, совершался в средние века при избрании главы католической церкви. Процедуру «крепким осязанием» проводила специальная команда – «архидиакон», «ключарь» и «протодиакон».

«Свидетельство» прошло без эксцессов, и, когда проверявшие вернулись в зал заседания, началось голосование. Присутствующие «по чину» (в порядке старшинства) и по одному подходили к столу, стоявшему перед

«князь-игуменьей», и, «целуя оную в перси», получали от неё по два «балла» (обшитый и «натуральный»), после чего возвращались на свои места. Когда раздача «баллов» завершилась, Ромодановский осмотрел «чашу покрытую» (ящик), предназначенную для сбора «баллов», убедился, что она пуста, и скрепил её своей печатью. Далее по его приказу один из «ключарей», получивший роль глашатая, назвал имя первого кандидата, и ближайшая помощница «князь-игуменьи» – «первая диакониса» принялась ходить по рядам с ящиком, куда сторонники кандидата опускали белые шары, а его противники – чёрные. Волеизъявление «архижрецов» было тайным вдвойне: они сидели в епанчах (накидках, символизирующих мантии католических первосвященников) и прятали под ними руки с «баллами», поэтому другим не было видно, как каждый из них голосует.

По окончании сбора «баллов» ящик был поставлен перед «князем-кесарем» на стол. Тот открыл его перед всеми и высыпал содержимое, после чего вступили в дело «бояре»: один сортировал «баллы», другой записывал количество тех и других. Голосование за второго и третьего кандидатов происходило точно так же, начиная с осмотра и опечатывания сборной чаши «цесарем».

[иллюстрация:

Сергей Кириллов. Шут гороховый. Портрет из серии «Русские люди». 1994 г.]

Победителем должен был оказаться тот, кто собрал больше всех светлых шаров. За выигравшим выборы Бутурлиным отправились «ключарь» и «архидиакон». Когда он был поставлен посреди «собора» перед лицом «князя-цесаря», Ромодановский поздравил его, а старший «архижрец» произнёс речь в честь победителя. На Бутурлина возложили «папину мантию и шапку», «плешивые» подняли его над своими головами, понесли к «папскому престолу», поставленному рядом с «цесарским», и посадили на него. В это время все присутствующие пели «князю-кесарю» и новоизбранному «многолетие».

Затем последовала церемония «орлочитания»: все, кроме «кесаря», подходили к сидящему Бутурлину, целовали ему правую руку, которой он держал «Великого орла» (огромный ковш с изображением российского герба), целовали также «в яя под лоном» и пили из «орла» в знак того, что присягают на верность «папе» и Бахусу. По завершении этих почестей имело место символическое окончание выборов: по приказу «кесаря» перед ним, а также «папой», «архижрецами» и «протчими знатными» были поставлены столы с одинаковым угощением – это были те самые «баллы», но уже «с их долгими и их гнёздами» (с органами, из которых добывались принадлежности для голосования).

Всё закончилось тем, что нового «князя-папу» посадили в ковш, принесённый «плешивыми», они же и понесли «понтифика» в сопровождении всего «собора» в дом его, где опустили в гигантский чан, полный пива и вина. Там вполне довольный жизнью Пётр Иванович Бутурлин и плавал на ковше до тех пор, пока не разошлись гости, которых, между прочим, потчевали из того самого чана⁶.

Инаугурация

Обряд «поставления в князи-папы» совершался в Москве на «каменном дворе» Никиты Зотова в первую неделю после Крещения. Бутурлина утвердили в должности 10 января 1718 года. Вот как об этом рассказывает источник:

«Когда все собралис в князь-папин дом, тогда в князь-папинской полате жрецы и другие достойные сели на своих местах. Тогда посланные по новоизбраннаго

от всего собора ключарь старой, да кардинал, протодиякон и из уединённой его полаты о[т]вели его почтенно в собранную полату. Пред ним несли две фляги, наполненные вином пьянственнейшим, – едина фляга позлащённая, другая высеребрена, – и два блюда: едино съ огурцами, другое с капустою. Поставили пред его кесарским величеством на изрядном постланном аксамитном луховском ковре. Архижрецы на высоком троне сидели по степенем с правую и левую стороны.

Тогда новоизбранный поклонялся его цесарскому величеству и жрецам сидящим трижды, и вышепомянутые дары едино по другом подносил поставляющему, говоря краткий комплемент о своём поставлении, и потом сел на стуле прямо поставляющего.

Тогда поставляющий вопрошал его: "Что убо, братие, пришёл еси и чесого от нашея немерености просиши?" Тогда отвечал поставляемый: "Еже быти крайним жрецем и первым сыном отца нашего Бахуса". Поставляющий глаголял: "Пьянство Бахусово да будет с тобою!"

Оный же поставляющий ещё вопрошал: "Како содержиши закон Бахусов и во оном подвизаешися?" Поставляемый отвечевал: "Ей, орла подражательный и всепьянейший отче! Востав поутру, ещё тме сущей и свету едва являющуся, а иногда и о полунощи, слив две или три чарки, изпиваю и, продолжающуся времени, не [в]туне оное, но сим же образом препровождаю; егда же придёт время обеда, пью по чашке немалой, такожде переменяющимся брашном всякой непуст препровождаю, но каждой ряд разными питьями – паче же вином, яко лутчим и любезнейшим Бахусовым, – чрево своё, яко бочку, добре наполняю, так что иногда и ядем, мимо рта моего носимым от дражания моего десницы и предстоящей во очесах моих мгле. И тако всегда творю и учти мне врученных обещаюс, инако же мудрствующия отвергаю и яко чужды творю, и ебиматствую всех пьяноборцев, но яко же иерех творити обещаюс до окончания моего жизни с помощию отца нашего Бахуса; в нём же живём, а иногда и с места не движимся, и ест ли мы или нет – не ведаем; еже желаю тебе, отцу моему, и всему нашему собору получитьи. Аминь".

Поставляющий глаголял: "Пьянство Бахусово да будет с тобою затемневающее, и дражащее, и валяющее, и безумствующее тя во вся дни жизни твоея!" Потом поставляемый, кмикнув на колена, и лёг, и преклонился персями и руками и главою на подлежащую делву (*делва* – бочка, кадка), и тогда жрецы пели песн Бахусову. Потом поставляемый, встав, пришёл на высокий амбон к поставляющему, где облачали его архижрецы во вся одежды его, кроме шапки.

Тогда же первый жрец помазал его крепким вином на главе его и около очей образ круга, глаголя тако: "Да будет кружитися ум твой, и такие круги разными видами да предстанут очесам твоим от сего во вся дни живота твоего", – також и обе длани и четыре перста, ими же чарка приемлетя, образом лученки (*лученки* – расходящиеся лучи), глаголя тако: "Да будут дрожати руце твои во вся дни жизни твоея!"

Потом налагали руки архижрецы, и первый читал речь такову: "Рукополагаю аз, старый пьяный, сего нетрезваго во имя всех пьяниц, во имя всех скляниц, во имя всех зерншиков (*зернщик* – азартный игрок в кости, в зернь), во имя всех дураков, во имя всех шутов, во имя всех сумозбродов, во имя всех лотров (*лотр* – разбойник, забулдыга, гуляка), во имя всех водок, во имя всех вин, во имя всех пив, во имя всех медов, во имя всех каразинов (*каразин* – малиновая водка), во имя всех сулоев (*сулой* – сусло, квас), во имя всех браг, во имя всех бочек, во имя всех вёдр, во имя всех кружек, во имя всех стаканов, во имя всех карт, во имя всех костей, во имя всех бирюлек, во имя всех табаков, во имя всех кабаков – яко жилище отца нашего Бахуса. Аминь". Потом наложили на главу его шапку и пели: "Аксиос!" (по-гречески: «Достоин»).

Потом оный новопосвящённый сел на свой престол – на великую покрытую бочку, и вкушал вина из "Великого орла", и протчим всем подавал. Певцы же в то время пели "многолетие" кесарю и новопоставленному. И оное окончав, вси распущены в дома свои.

Князь-папа же, разоблачась от своей одежды, пошёл в свои покоевы полаты и остался в том доме»⁷.

Не только сумасбродство

Конечно, учреждение «сумасброднейшего собора» было составной частью Петровских реформ, направленных на «обмирщение культуры». Но вряд ли правы те авторы, которые видят в петровской затее лишь средство борьбы с церковью. И дело тут не только в том, что «соборному» пародированию подвергались также институты монархии и парламентаризма. Главное то, что пародия, если она не скатывается к абсурду и гротеску, вообще не может быть средством борьбы с чем-либо – не надо её путать с кощунством и сатирой. Пародист отнюдь не стремится изжить объект своего внимания, наоборот – парадоксальным образом утверждает его в наличной системе мироздания⁸. Впрочем, нельзя закрывать глаза и на то, что пародийное начало, присущее «собору», нередко тонуло и растворялось в стихии пьяного разгула, чревоугодия, сквернословия и грубого юмора – словом, всего того, что до сих пор составляет не лучшую часть мужской субкультуры.

Но у всешутейших забав была и другая сторона. Для царя Петра «собор» стал механизмом отбора и сплочения наиболее преданных лиц. Во время «шумства» они проходили проверку на послушание, худо-бедно демонстрировали свои творческие способности и фантазию, привыкали к мысли, что сословные перегородки преодолимы. Кроме того, они учились видеть величие в самоуничижении («смирении» и «терпении»), то есть примеряли к себе то, что в православной традиции считалось и считается доступным лишь Христу и праведникам. Наконец, благодаря сумасброднейшему собору» в массовое сознание исподволь внедрялась важная идея, отличающая менталитет нового времени от средневекового, – убеждение в том, что сущность («природа») человека не зависит от его «чина» – происхождения, статуса, образа жизни, предписанной манеры поведения...

Что ещё почитать

Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990.

Семевский М. И. Шутки и потехи Петра Великого // Русская старина: Жизнь императоров и их фаворитов. М., 1992.

Пётр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. СПб.; М., 1993.

Павленко Н. И. Пётр Великий. М., 1994.

Андреев И. Л. Всешутейший, всепьянейший... // Знание – сила. 2002. № 2.

Примечания

¹ Пресбург – земляное укрепление на острове посреди Яузы возле села Преображенского под Москвой, возведённое по приказу Петра для воинских потех и ставшее в 1691 г. «стольным градом» обоих начальников «сумасброднейшего собора».

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портфель № 240. Ед. хр. 14. Л. 12, 13–14 об.

³ Там же. Л. 11 об.

⁴ Там же. Л. 4 об. – 5 об., 6 об., 7 об., 14.

⁵ Там же. Л. 13 об.

⁶ Там же. Л. 4 об. – 7 об., 9–9 об.

⁷ Там же. Л. 2–4 об., 7 об. – 8 об.

⁸ См.: Пави П. Словарь театра. М., 1991. С. 218; Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 203–204.